

Алексей Максимович Горький о советской литературе

Советская литература — коллективное дело

Частное ли дело литература! — Вредная чепуха. — Народ создает литературу.

Сейчас молодая литература является коллективным делом класса, который взял в свои руки, в свою волю власть над огромнейшей страной и энергично, успешно создаёт в ней новую культуру, новый быт... Русский рабочий класс вправе сказать, что он наполняет понятие «общечеловеческое» действительно общечеловеческим содержанием. Необходимо, чтобы в каждой отрасли труда и творчества, несмотря на различие индивидуальностей, была ясна видна и чувствовалась дружная, коллективная единица сила...

...Интеллигент думает, что литература — это частное дело. Изредка ему помогают думать так мудрые недоучки и болезненные. Недавно один из таких сказал писателю:

Критика должна воспитывать автора

Говорить о литературе — это еще не значит говорить о литературе. — Дать оценку книг о гражданской войне. — Ежегодные обзоры литературы по темам. — Внимание очерку. — Учить начинающих. — Не порицания, а воспитания ждут литераторы.

У нас чрезвычайно много критиков, которых не имеет ничего общего с самокритикой критиков, — с критикой личного, индивидуального поведения, с критикой своих мнений и самомнений. Люди, начинавшие мало-мальски грамотно писать и более или менее ловко называться писателями из чужих книг одна на другую, — эти люди уже воображают себя чем-то в роде «духовных вождей» рабочего класса. Прежде всего, и немножко не умно. Необходимо очень долго и усердно учиться для того, чтобы получить право осторожно советовать. А советует, следит помнить, что не все знаешь и что, чем больше живешь, тем труднее знать все в наше время, когда действительность изменяется с такой бешеною скоростью...

...Мы можем закончить покваситься, что в целом ряде книг молодые наши писатели давно уже успели и сумели хорошо изобразить войну 1914—1918 гг. со всеми ее ужасами. Широко и многими весьма талантливо использовали германских и греческих материалов гражданской войны...

Я считаю промахом критики нашей тот факт, что она не дала должной и необходимой оценки всей массе книг, посвященных теме войны гражданская, всей работе писателей над этим материалом. Это следовало и следует сделать не только в интересах литераторов, но и читателей, которые, естественно, хотят, чтобы критика была положительной...

Критики и рецензенты весьма часто относятся к литературе, как сычи к деревянной голове турка... Весьма возможно, что наши критики — люди идеологически отличаются вооруженные, но, видимо, что-то мешает им изложить с предельной ясностью и простотой учение диалектического материализма в его применении к вопросам искусства. Орудия цитатами из Маркса, Энгельса, Ленина, они обычно затемняют смысл этих цитат огромным количеством крайне серых слов... Противоречия между критиками — обычное явление, и здесь хуже всего то, что противоречия растут и раззываются на почве отношения критиков к самому главному — к методу изложения явлений жизни. Обычно критические статьи сводятся к порицанию, а не к воспитанию автора, торчично шире.

Мне кажется, что было бы весьма поэтично, если бы критика наша давала читателю — массе — ежегодные обзоры литературы по темам, которые литература...

Новая культура — внимание к труду

Возведенные и «начинающие». — Литературная совесть и профессиональная зависимость. — Уважение к труду. — Нравы.

...Определенно чувствуется аристократическое отношение признанных и возведенных к «начинающим». Лишь я считаю этот «аристократизм» мещанством и подозреваю в нем замысел литературной совести профессиональной зависимости. Чувствуется тут и явное самономенование обласканного мещанина и даже, может быть, его страхок не удержаться на позиции, куда его поставили неосторожные и горопливые критики, убежденные, что это именно они фабрикуют талантливых и «гениальных» литераторов. Не находя другого слова, я называю «литературной совестью» чувство удовлетворения, возникающее каждый раз, когда масса трудающих рождет и выдаст еще одного младенца с признаками таланта в той или иной области труда.

Этого удовлетворения, этой радости о том, что «нашего полку прибыло», я не замечаю в отношении оставленных писателей к «начинающим»...

Почтенные «сборята по перу», на мой взгляд, слишком быстро описывают славой и слишком густо подчеркивают величие своих «я». К сведению «начинающих» коллеги сказать, что слова — жилье мутного цвета, еховидного вкуса, и что она, в большом количестве, действует на слабые головы плохо, вызывая упрямимоши ее тяжелое ощущение, подобное «инъекции». Принимать эту инъекцию следует осторожно, не более одной чайной ложки в год; усиленные дозы вызывают обжигание сердца, опухоли тканства, заносчивости, самоуверенности, нетерпимости и вообще всякие болезненные уродства.

«Без драки не проживешь», — говорил В. И. Ленин. Он всегда говорил то, что «нах». — прекрасная привычка была у него...

Да, «без драки не проживешь». Поэтому разногласия, существующие между литературными группами, вполне естественны. Они были бы гораздо более поучительны и полезны, если бы «признанные таланты» и литературные пастиры не застыли их своими самомнениями, своим чванством и не вносили в них тут страшное потерять свою позиции. Известно, что «тот делает музыку». Представители отдельных литературных групп ведут пренятие между собой в томе, недостойном товарищей, людей, которые делают единое, коллективное дело...

Если бы литературные споры велись в тоже, более строгом идеологическом, более серьезно и спокойно, менее фарсисти и без грубых ярких выпадов, — проинициализированные кружки не писали бы таких спортивных заявок:

«Одним из препятствий к нашей учебе является резкая борьба литературных групп...

Горький «...был руководителем советской литературы. Его громадный художественный авторитет и морально-политическая чистота охраняли литературу от чуждых людей, от пустозвонов с большой амбицией и ничтожной литературной амбицией. Строгий к самому себе, Горький учил писателей любовно и строго относиться к слову». (Правда).

Его указания, его страстные статьи о литературе являются завещанием советским писателям для их коллективной работы по созданию произведений, достойных нашей великой эпохи, произведений, которые служили бы острой оружием в борьбе за торжество учения Ленина — Сталина.

Основная тема

Рождение нового человека. — Народные таланты. — Классовое родство разнолицких тружеников. — Жажды знаний. — Трудовой герой. — «Положительный» тип. — «Историческая правда».

Тысячами голосов советский человек, строитель новой культуры, ежедневно говорит литераторам: я был настуком, был социальным-опасным правонарушителем, был батраком кулака, — стал инженером, медиком, ученым, естествоизвестиям; я был батраком, горничной, домашним животным моего мужа, — я стала профессором философии, агрономом, пиритором и т. д. Говорят, люди сообщают как бы только о факте своего физического перемещения в социальной среде, не умея и иногда — не желая — рассказать о химии факта. Вскрыть психо-химический процесс перемещения из ряда чернорабочих батраков в ряды мастеров культуры, вскрыть закономерность этого явления, показать, какую роль играла в нем классовая идеология пролетариата, как сопротивлялись ей зоологические эмоции мещанства — это дело революционера-художника, «инженера души».

Суть и смысл факта не только в том, что настук строит машины, а батрака директорствует на фабрике. Весь крупная буржуазия физически размножается и размножалась не только путем деторождения, но также путем отбора и воссоздания в батраках и батраках иных племен, религий, языков, нашли во всех племенах царской России общепролетарское чувство кровного, классового родства, как в разноплеменной стране Союза Советов возникнет сознание единства племени, как это сознание будит и организует таланты, как оно возбуждает жажду знаний, трудовой героям и готовит борьбу за великое дело пролетариата на всех точках земного шара. Основная тема всесоюзной литературы — показать, как отвращение к нищете переносится в отвращение к собственности. В этой теме скрыто бесконечное разнообразие всех иных тем полностью революционной литературы, вней заключен материал для создания «положительного» типа человека-героя, в ней заключена вся «историческая правда» эпохи, а таковой правды является революционная целесообразность энергии пролетариата, — энергии, направленной на изменение мира в интересах свободного развития творческих сил трудающего народа...

Выращивать молодые таланты

Что такое редактор! — Как учить молодых. — «Выскочки» и легкий труд.

...Отношение к молодым начинающим писателям небережно, недостаточно заботливо и внимательно. Редактируя их полиграфии, тогда когда должна бы учить литератору техники...

Черепа головы молодых писателей я обрашаюсь к редакторам журналов...

Как же читаются рукописи, если возможны обмывки, ошибки, описки? Редактор, это — человек, который в известной мере учит писателя, воспитывает его, как воспитывал Салтыков-Шедрин Сергея Алавутдинова, или помогает встать на ноги Осиповчу-Новодворского и целому ряду других писателей. Так же отлично воспитывались молодежь В. Г. Короленко и А. Горького, делали это работу Виктор Островский, А. Богданович, Виктор Миролюбов...

...Я хорошо знаю, что многие из «именных» пытуют гораздо лучше, чем пишут. Еще лучше было бы, если бы они, вождь славы и популярности, не портили молодежь похвалами и преждевременным признанием крупных авторов. И еще лучше было бы, если они, стремясь создать группу поклонников, уголовников и приследников, не соглашались в союз писателей людей бездарных. Групповщика — жива, болезнь «романтизма» прогрессирует, становятся хронической... «Букушка хватает петуха за то, что хватает он кукушку»... Создается атмосфера неиздоровья, постыдна, атмосфера, которой вероятно, уже скоро и властно вспыхнут новые язвы. Писатели проходили в литературу слово в слово против вновь начинавших...

«...Я хорошо знаю, что, несмотря на обилье языка, малоизвестных и некультурных, среди начинающих писателей есть много зародившихся, искренно желающих учиться...

«...Я хорошо знаю, что, несмотря на обилье языка, малоизвестных и некультурных, среди них и крупные таланты. Но всем им необходимо учиться технике дела, в попытавших большинстве они технически безоружны, и это неизбежно погубит многих из них, не

Социалистический реализм

Основной герой наших книг. — Понимать труд как творчество. — Утверждение бытия как действия.

бою высокайшую и мудрую цель: освобождения трудящихся всего мира из-под искажающей людей власти капитализма.

Социалистический реализм утверждает бытие как действие, как творчество, цель которого — непрерывное развитие пещнейших индивидуальных способностей человека, ради победы над силами природы, ради его здоровья и долголетия, ради великого счастья жить на земле, которую он права на это. Творчество — это не степень напряжения работы памяти, когда быстрота ее работы извлекается из запасов знаний, впечатлений, наполненных выpusкными и характерными фактами, картинами, легендами и включает их в наиболее точные, яркие, общепонятные слова. Молодые писатели литература не может похвастаться этим качеством. Запас впечатлений, количество знаний наших литераторов не велики, и особенной заботы о расширении, углублении их не существует...

Социалистическая индивидуальность, как мы видим на примере наших героев труда, которые являются цветением рабочей массы, — социалистическая индивидуальность может развиваться только в условиях колективного труда, поставившего перед социалистическим искусством задачу: «Понимать труд как творчество, возводить знания, надо учиться работать, искусно и честно. Учиться надо многое вновь и ново, ибо пролетариат-диктатор разрушил все преграды на пути его детей к науке, к искусству...

Каким должен быть союз писателей

Партийное руководство. — Коллективная сила. — Разнообразие направлений. — Единство целей. — Интересы литературы. — Делиться опытом. — Уважение друг друга.

Партийное руководство литературой должно быть строго очищено от всяких влияний, которые являются на примере наших героев труда, настороженными, организующими энергию пролетариата всех стран на последний бой за его свободу, — партийное руководство должно явить всем своим поведением морально-авторитетную силу. Эта сила должна вынести в среду литераторов прежде всего сознание единства их ответственности за все явления в их среде. Советская литература, при всем разнообразии ее талантов и непрерывно растищем количестве новых даровитых писателей, должна быть организована как единое коллективное целое, как мощное орудие социалистической культуры.

Союз писателей создается не для того, чтобы только физически обединить художников слова, но чтобы профессиональное обединение позволило им понять свою колективную силу, определить с возможностью разнообразие направлений ее творчества, ее целевые установки и гармоническая соединить все цели в том единстве, которое руководят всем трудутворческой элитой страны.

Мы должны не только «шапочкой» знать друг друга в нашей стране, но и читать со всем вниманием, какого заслуживает наша работа. Человек растет в действии... И особенно нужно учиться нам уважению друг к другу. Этого это хватает нам, и это должно быть воспитано в нашей среде...

...западный фундамент обединения всей союзной литературы, — нам... необходимо, начинать практическое обединение в целях успешной трудовой работы нашей, и работу эту нужно будет продолжать, разивая ее больше дальше для того, чтобы создать ту могучую литературу, которая нужна не только нашей стране, но и всему миру.

Знать как можно больше. — Упростители. — Искусство простоты и ясности. — За чистоту языка. — Ответственность перед читателем.

Грамотность — необходима. ...Это я говорю серьезно: грамотность совершенно необходима для всех людей, а в особенности для тех, которые занимаются литературой...

...Возможно, что есть вещи, не знать которых приятнее, чем знать. Но я — за то, чтобы знать все. Писатель обязан знать как можно больше.

Молодые писатели мало знают. Поэтому они плохо усваивают схоластика и различия между вещами, звуками, красками, явлениями природы...

...Молодые писатели ничего, кроме газет, не читают и, оглушенные сухим трехсложным языком статей газетных, совершенно не слышат звуковых капризов языка живой речи... Социальная их малограмматность кажется еще ниже литературной. Историю литературы мы не знаем, классики читают мало, действительность изучается ими по газетам и как будто лишь для того, чтобы выудить из газетной статьи тему для стишков «на заборе»...

...Необходимо отметить, что чем более культурно малограмматны писатели, тем настороженнее и откровеннее его отношение к литературе, к литературе, которая не знает или плохо знает. Такие люди, будучи испуганы сложностью дела, конечно, не способны развивать его и стараются упростить. Результат упрощения обыкновенно таков: «Сыл склонил, — есть колесо! Сел на поезд, — ах, хорошо! Оглянулся назад — одни опины лежат».

К разрыву упростителей принадлежат люди бездарные, бесталанные, а также «ревчи», людшки, которые спешат занять вакантные места, паразиты, которых рабочий класс, к сожалению, уже развел около себя в своих рядах...

...Я указываю на необходимость делать книги, орудия культурного воспитания, простым и ясным языком, вполне доступным пониманию наших читателей — Сибирь! Всё насчитывает их от 50 до 60 миллионов. Я возражаю против засорения нашего языка хламом прядуманных слов и стихов за чистый образ...

...Мы должны добиваться от слова наименьшей активности, наибольшей силы впечатления, — мы добиваемся этого только тогда, когда воспитаем в себе уважение к языку, как к материальному, когда научимся отсевать от него пустую, перестраненное изложение языка. Чем лучше слово, тем более оно точно, чем правильнее поставлено — тем больше придается фразе силы и убедительности...

...Писатель обязан все знать, весь поток жизни: все мелкие струи потока все притворяются действительности, ее языка, ее героями и пошлостью, ложь и правда. Он должен знать, что каким бы мелким и незначительным ни казалось ему то или иное явление, оно или осколок разрушает

одного старого мира, или росток нового...

Приведенные выдержки взяты из статьи М. Горького: «О пользе грамотности», «О возведении и «начинающих», «О начинаящих писателях», «Рабочий класс должен воспитать своих мастеров культуры», «О литературе», «О литературе и прочем», «О прозе», «О кочке и точке», «Литературные забавы», «Доклад на I Всесоюзном съезде советских писателей».

Михаил Зощенко

Народный писатель

Быть народным писателем — это великая честь для писателя, для человека, поставившего целью — создание такой литературы, которая была бы понятна, доступна и близка народу.

Нет сомнения, что создание такой литературы — дело чрезвычайно нелегкое. И история литературы знает не много писателей, которых можно назвать народными.

Из писателей XIX столетия можно, пожалуй, назвать лишь три имени: Пушкина, Некрасова и Гоголя.

Эти писатели обладали величайшим мастерством, олимпийским знанием языка, знанием народа и пониманием его психики. Эти писатели пользовались, так сказать, «народными мелодиями», пользовались народным языком и темой, взятой из жизни народа.

И тем самым они чрезвычайно обогащали свое искусство и делали его понятным и близким народу.

Л. Н. Толстой, с моей точки зрения, не был народным писателем. Правда, он специально писал для народа рассказы, сказки и поучения, но тема этих произведений была суждена. Великий писатель «разговаривал» с народом, как взрослый разговаривает с детьми.

И в поисках этого специального жанра,

★ ★ ★

Иллюстрация Б. Дехтерева к рассказу М. Горького «Двадцать шесть и одна»

Иллюстрация Е. Белуха к повести М. Горького «В людях»

мне думается, была неправильность. Только «полным голосом», не снижая темы, можно создать литературу для народа. Так делал Горький. Горький был в полной мере народным писателем. Его философия была близка и понятна широкой читательской массе.

Быть народным писателем — это ведь не только уметь разговаривать с массой.

Надо еще обладать всеми свойствами, которыми были бы дороги и близки народу.

Надо отрицание мира, а утверждение жизни, не меланхолия и упошен, а величайший оптимизм, — вот что наряду с мастерством может сделать современного писателя народным.

И Алексей Максимович в полной мере обладал этими качествами.

У него было великое сердце и светлый ум.

Он сконцентрировал в себе все благородное, чем обладает народ. Его величайший оптимизм был оптимизмом народа.

Как удивительно читать его мужественные строчки, написанные за два месяца до его смерти. Уже тяжело больной страдал оптимист, часто пользуясь кислородной посудкой, уже подготовленный к смерти злодейскими руками, он в своем письме ко мне (от 25 марта 1936 г.) писал:

«Страдание — позор мира и надобно его ненавидеть для того, чтоб истребить... Никогда и никто еще не решался осмеять страдание, которое для множества людей было и остается любовью их профессии. Никогда еще и ни у кого страдание не возбуждало чувства брезгливости. Освященное религией «страдающие боги», оно играло в истории роль «первой скрипки», лейтмотива, основной мелодии жизни...

Из первых идей неизбежности и спасительности страдания вошла в искусство, как основной его тема... Поэты и прозаики, «привязав себе топки вихрей», гордились и чтили своей ролью селятелей добреных и красивых словечек... Высмеять профессиональных страдальцев — вот хорошее дело, дорогое Михаилу Михайловичу!»

Это удивительные слова! Они отлично рисуют нам Горького, величайший оптимист которого не был заглушен даже собственным величайшим страданием. И не только как писатель, но и как общественный деятель. Горький сочтет в себе черты подлинного представителя народа.

Не узкий цеховой интерес был у него в литературе. Он считал литературу не личным своим делом, а делом общим, делом, за которое отвечают все литераторы. Вот почему Горький так внимательно и с такой любовью и заботой относился к молодым литераторам.

Он следил за каждой книгой, за каждым журналом. Он давал советы, предлагал темы, внимательно присматривался (не преувеличивая, скажу) к творчеству каждого писателя.

Горький был великий человек и великий народный писатель.

И мы, современники, с чувством гордости должны это констатировать. Тем же утром, тем горче думать, что Горький погиб от злодейских и преступных рук.

Ленинград.
По телеграфу.

В. ТРОЙНОВ

Московские встречи

В 1904 году Горький часто приезжал из Нижнего в Москву. Это был год, когда менялся темп общественной жизни, росло революционное настроение и на Востоке разгоралась война. Горький всегда, где только мог, организовывал борьбу против ненавистного самодержавия.

Горький близко сошелся с Л. В. Красиным. Красин в это время первые в России ставил паровые турбины на фабрике Саввы Морозова и одновременно создавал марксистские кружки среди рабочих, подготовляя их к политическим выступлениям.

О красине Алексей Максимович говорил всегда возбужденно, с искрой в глазах.

— Это человек четырех измерений. Инженер, а как он недавно мне разбрал по kostochкам Ибсена, А я вот пробовал читать по электротехнике, насчет кисиуса Фи, — так и не понял, что это за зверь.

С приездом Горького в Москву оживили литературные вечера, на которых присутствовали писатели всех направлений. Однажды он встретился с П. Д. Бобровским.

В руках Бобровского находилась французская книжка в желтом обложке.

Глаза Горького загорелись любопытством.

— Послушайте, — воскликнул Горький, забирая книжку. — Это у вас Стендаль. Какой талантчище! Вот у кого надо учиться неизвестной человеческой пошлы.

Горький любовно перелистал страницы, помогая глазами и с жесткой улыбкой вернулся книжку: французская грамота оказалась не по силам:

— Вот, — сказал он, — целая сокровищница, а ключика-то к ней нет.

Огромная ошибочка человечества, говорю. Нужен единственный язык. Вы знаете, как мне досталась Стендаль? Я бегал по букинистам и собирая «Отечественные записки», чтобы прочесть официальный перевод «Красное и черное», частично слово. Потом прочел «Пармскую Шартрезу». Вот и все, что передалось.

Бобровский заметил, что называемые Горькими романы — лучшее, что есть у Стендalia.

— Я — жалкий, — сказал Горький. — Мне все хочется захватить вот этими ручищами. А вот без языка ничего не сделаша.

В этот вечер Бобровский собирался прощаться докладом о реалистическом романе. Горький заторопился и стал прощаться, ссылаясь на какие-то дела. После он обяснял причину своего ухода:

— Ну, какон же он реалист. Это — судебные приставы: описывают все, что подвернется под руку. Он видит факты, а судьи — звуки, слышишь слово. И право.

Его восторг не имел предела. Дело кончилось тем, что на глазах набожной хозяйки он перешел в горевшую лампаду у иконостаса к портрету Бетховена и с волнением сказал:

— Вот кому надо молиться.

Горький оставил принципилен до конца. Он любил искусство, восхищался талантливыми людьми, оказывал им всяческую помощь. Но когда эти люди отходили в сторону реакции и в лучшем случае революции воспринимали только в прошлом, как материал для художественного творчества, отношения Горького к ним охладевали. Так случилось с дружбой Горького и Леонида Андреева. В 1904 году в отношении двух писателей вспыхнула ссора Станиславского. Он уверял, что моя пьеса — лирическая драма. Это же неверно. Я же написал фарс, самый веселый фарс. — Помолчав немного, он продолжал. — А пожалуй, Станиславский прав. Когда я присутствую на репетиции, я испытываю одно страдание: Станиславский безжалостно сокращает сцены.

Пьеса Чехова должна быть вынута в сборнике «Знание». Горький предложил Чехову выпустить ее без сокращения. — Нет, нет, — замахал руками Чехов.

В. ТРОЙНОВ

Иллюстрация В. Конашевича к повести М. Горького «Фома Гордеев»

Печатаите с режиссерской правкой. Иначе это внесет путаницу при постановке других театрами. Что ни говорите, Станиславский знает театр лучше нас с вами. — И сейчас же с обычным переходом к милой шутке — а вот «Минимого больного» Мольера и не позволю ему ставить. Это будет моя режиссура. Я же доктор. Никто лучше меня не умеет ставить кистирыные трубы.

Горький от души рассмеялся.

После первого представления «Вишневого сада» Горький сказал Чехову:

— Озорную штуку вы вынырнули, Антон Павлович. Дали красную лирику, а потом вдруг авантирую со всего размахом топотом по корицам: чорту старую жизнену. Теперь, я уверен, ваша следующая пьеса будет отличаться.

Эка, эка.

Жалко человека!

Дайте мне только доскрипты до будущей зимы!

По усталому, похудевшему лицу Чехова пробежала склонная улыбка.

— Знаете, Антон Павлович, — сказал Горький. — Вы проживете до сорока лет. У вас чортовский юмор, а все юмористы живут подпольем, итаки боги.

Пророчество Горького не оправдалось. Чехов умер в тот же год.

Горький любил народные песни. В тесной компании под аккомпанемент гуслей Скитальца он иногда налевал волжские мотивы с подчеркнутой удалью. Песня «Солнце» входит в Художественном театре Горького в виде исполнения Станиславского в пьесе «На дне».

— У вас есть прекрасный голос, — сказал Горький, — и вы можете петь в этом театре.

— Но я не могу петь.

Горький оставил принципилен до конца. Он любил искусство, восхищался талантливыми людьми, оказывал им всяческую помощь. Но когда эти люди отходили в сторону реакции и в лучшем случае революции воспринимали только в прошлом, как материал для художественного творчества, отношения Горького к ним охладевали. Так случилось с дружбой Горького и Леонида Андреева. В 1904 году в отношении двух писателей вспыхнула ссора Станиславского. Он уверял, что моя пьеса — лирическая драма. Это же неверно. Я же написал фарс, самый веселый фарс. — Помолчав немного, он продолжал. — А пожалуй, Станиславский прав. Когда я присутствую на репетиции, я испытываю одно страдание: Станиславский безжалостно сокращает сцены.

Пьеса Чехова должна быть вынута в сборнике «Знание». Горький предложил Чехову выпустить ее без сокращения. — Нет, нет, — замахал руками Чехов.

В. ТРОЙНОВ

Иллюстрация Д. Шмаринова к повести М. Горького «Казнь Матвея Коземякина»

Давид ХАЙТ

Письма из Сорренто

С Горьким у меня началась переписка в 1927 году, в период выхода в свет первых моих книг. Меня сразу же удивила точность и строгая аккуратность Алексея Максимовича как корреспондента. Письмо из Сорренто пришло немедленно после высылки очередной моей книги. Это было подробным анализом достоинств или недостатков моих произведений, вплоть до характерных мелочей, отдельных фраз, слов, фонетических ляписсов. И каждый раз, извлекая из конверта письмо, написанное на бумаге в крупную клетку, четким прямым почерком, с старой офортикой, я удивлялся: когда же этот человек, мировой писатель, успевал прочитать книгу и отклиknуться на нее?

Это качество Алексея Максимовича — внимание — было неожиданным для меня. Никогда, за незначительным исключением, я не встречал такого полноценного отношения к моей работе. О высоком традиционном гравировании я, кажется, это говорил в своем письме к «кинематографичен», а это неизвестно, кто же это считает своим достоинством?

«Художник у Вас пишет при отгне. Это тоже — сомнительное».

В другом письме, по поводу другой моей вещи, Алексей Максимович замечает:

«На двух странах вы пять раз начинайте фразы словом «когда». Не думаю, чтобы это свидетельствовало о бедности вашего языка».

«Вы печатаете много. Надобно много писать, чтобы печатать — поменьше».

Сейчас, когда со временем нашей переписки прошли годы, все советы и замечания Алексея Максимовича звучат как живой призыв к страждущей взрослотности к собственной своей работе. Я думаю, что смысл письма из Сорренто с моей фамилией на конвертах, эти крупные листы с неизменной «Будьте здоровы» или «Всего хорошего», подписанные «А. Пешков», адресованы не только мне, но и всем писателям.

С полнейшей искренностью я должен сказать: среди редакторов и писателей я редко встречал людей, подобных Алексею Максимовичу, а между тем, если бы большинство из них было бы наделено хотя бы частичкой его качества, легче было бы работать.

Уклон Ваш к натурализму тоже, разумеется, недостаток.

Натурализм, это — покорность фактам, подчинение Вашей творческой воли давлению действительности. Ведь Вы, человек, с действительностью не согласны? А тогда почему же Вы, художник словесного искусства, подчиняйтесь ее насилию над Вами? Художник должен жить не в действительности, и, конечно, не в стороне от нее, а наядно. Тогда он и найдет в ней то существенное, что есть у нее и неспроста.

Вы горопитесь писать, но «хорошо — скрою — не бывает».

Всем известно, что человек не очень хороши. Но интересен, важен, дорог он не потому, что это его имя, а потому, что это его характер, и может быть, это и есть то, что может быть интересным для читателя.

Сейчас, когда со временем нашей переписки прошли годы, все советы и замечания Алексея Максимовича звучат как живой призыв к страждущей взрослотности к собственной своей работе. Я думаю, что смысл письма из Сорренто с моей фамилией на конвертах, эти крупные листы с неизменной «Будьте здоровы» или «Всего хорошего», подписанные «А. Пешков», адресованы не только мне, но и всем писателям.

С полнейшей искренностью я должен сказать: среди редакторов и писателей я редко встречал людей, подобных Алексею Максимовичу, а между тем, если бы большинство из них было бы наделено хотя бы частичкой его качества, легче было бы работать.

Уклад Ваш к натурализму тоже, разумеется, недостаток.

Натурализм, это — покорность фактам, подчинение Вашей творческой воли давлению действитель

Памяти А. М. Горького

28 марта союз советских писателей, совместно с Институтом мировой литературы, устроил торжественное заседание, посвященное 70-летию со дня рождения А. М. Горького.

Торжественное заседание открыл Вс. Иванов.

Горький своей жизнью дал пример, как сочетать труд писателя с борьбой за коммунизм.

Обращаясь к современному поколению советских писателей, многим обвязанных идейному и творческому руководству А. М. Горького, Вс. Иванов призывают их осуществить следующие две задачи:

Первая — написать коллективную книгу о том воздействии, которое оказал на творчество авторов Горького.

Возействие А. М. Горького на писателя — указал Вс. Иванов, — не было мелодрамы и спаившим, а вызывало напряженную внутреннюю работу. Поэтому такого рода книга будет иметь громадное литературно-творческое значение.

Вторая задача писателей — написать увлекательнейшую биографию А. М. Горького и тем создать лучшую памятник гениальному зачинщику социалистической литературы.

С докладом о личности и творчестве А. М. Горького выступил тов. И. Лунин. Он дал яркую характеристику Горького, как действенного человека-любца и велико-го патриота обновленных народов ССР.

Интереснейшая часть вечера составили выступления писателей с воспоминаниями о Горьком. Серия этих воспоминаний открыла С. Маршак.

А. Маршак рассказал неписанную главу из «Педагогической поэмы», о трехмесячном пребывании А. М. Горького в харьковской колонии правонарушителей.

А. Маршак сумел несколькими скрупуль-ными передать громадное обаяние личности великого писателя и сказал, по выражению П. Павленко, живописную и краси-вую новеллу.

Сам П. Павленко передал несколько эпизодов, характеризующих работу А. М. Горького с начальниками писателями, его интерес не только к рукописям, но и к сти-шаму, сказав, что для него самое главное — это то, что он любил читать.

Нам думается, что именно эта сторона творчества Степана Шипачева, его крепкое и четвергловое чувство, помогли писателю найти свой лирический голос, который слышится в его новой книге стихов «Под небом родины».

А. Павленко, между прочим, расстав-ил новый историко-литературный факт, характеризующий, как Горький и его поколение писателей понимали писательскую дружбу.

А. Павленко не давалась последняя глава «Послания», и А. М. Горький и Леонид Андреев, которые тогда дружили с Куприным, в порядке творческой помощи писали свои варианты этой главы. Куприн воспользовался вариантом А. М. Горького.

Закончил серию воспоминаний А. Сурков.

Заключительная часть вечера была по-священа концепту, на котором исполнились произведения А. М. Горького.

ГОРЬКИЙ — ВЕЧЕН!

ЛЕНИНГРАД (Наш корр.). В Доме им. Маяковского состоялось собрание писателей, посвященное 70-летию со дня рождения величайшего русского писателя А. М. Горького.

Благородный образ гениального художника в ярких словах очертил Ник. Тихонов:

— Нашего Горького злодейски умертвили трижды проклятые троцкистско-бухаринские бандиты. Но вечно будут жить слава Горького, имя Горького, слово Горького!

— Горький — вечен! — заканчивает стихами воспоминания об А. М. Горьком Ал. Прохорьев.

С интересными речами выступили проф. В. Денисский, проф. Н. Писканов, Б. Бялик, Е. Шварц. Писательница в художнике Елена Данько поделилась неизвестными еще воспоминаниями с именем А. М. Горького связанными развитием советской художественной фарфоровой промышленности.

Степан Шипачев является автором уже не одного и не двух сборников стихов. Начиная с 1930 года стихи Шипачева довольно часто появлялись в различных художественных журналах. Они обединены главным образом, в «Книгах: «Одна шестая», «Наперекор границам», «Фронтовики». Надо прямо сказать: несмотря на тематическую целесустримленность (гражданская война, интернациональная социальность) и детальную освещенность (изображением, на всех этих стихах, звездного исключением, лежала печать утомительного фразерства. Общность и лозунгность, неумение находить в теме необходимые жизненные частности, без которых никакое произведение художественной мысли не становится искусством, — все эти черты сопутствовали стихам Шипачева. Да и с технической стороны стихи, помеченные в вышепомянутых сборниках, не представляли собой ничего интересного, а часто были и антимузыкальны.

Например, в стихотворении «Черное солнце», жалея изобразить пафос строительства и образ нового человека, С. Шипачев писал:

Угол в топках и песня, гори!
Под грузом любым
не согнешь плечо.
Каждый искру индустрии,
Каждый удар — на учет!

В этой строфе, кроме поверхности трехугольного тона, допущена еще и не приятная ритмическая неуверенность. Вторая и четвертая строчки неравномерны по количеству тактов, короткое слово «гори» с трудом поддается под «индустрии», «случею» и «учет» — тоже рифмы невысокого разряда, и поэтому в целом все четверостишия звучат крайне шатко, нестройно, антимузыкально.

Перечитывая стихи Шипачева того периода, можно без конца приводить примеры такого неряшливо-крикливого характера.

Нам наряду с голым лозунгом и безвкусием уже и тогда у Шипачева порою можно было найти настоящее чувство, своеобразно и афористично выраженное в отдельных строках и строфах.

Нам думается, что именно эта сторона творчества Степана Шипачева, его крепкое и четвергловое чувство, помогли писателю найти свой лирический голос, который слышится в его новой книге стихов «Под небом родины».

Среди стихов, предшествующих поэме, особый интерес представляет стихотворение «Задачник» нет малейшего шума, полное горячей, забытой любви к природе, пытливого проникновения жизни окружающего мира. Преобладание мысли над так называемым «нейзажным» украшательством

Сергей Васильев, Николай Сидоренко

Новые стихи С. Шипачева

В порядке обсуждения

Центральное место в книге принадлежит поэме «Бермамыт». Сюжет ее прост: встречаются два боевых друга, один — поэт, другой — начальник конного завода; в условиях суровой красоты Кавказа, в окружении величавой природы, на отважной ими земле друзья вспоминают о героическом прошлом, любят радостным настоинием.

Шипачеву удается здесь найти музыкальные слова и яркие краски:

Эльбрус высок. Слепит глаза.
В небесных искрах лед и спег.
Как равный раному в глаза,
Глядят гора и человек.

Гора чуть бровью шевельнет —
И град в выигра на свободе.
Гора свое в погоне гнет,
Как человек свое — работе...

...Забыть ли, как, в седле качаясь,
Шли кулакам наперевес,
И ночь в углах Карабая
Лежала, как в стволе свинец.

Попутчик поэта, старик-табунщик, рассказал о своем начальнике. И вот перед поэтом, по слою удержавшимся в памяти приметам, живет образ боярьшина:

...Я спрашиваю старика, —
Рядой?
— Да, рябоват слегка...

Поэт говорит:
Припомните годы,
Как за строкой строку,
Товарищей по заводу,

Дружком по котелку.
Встреча друзей наполнена большим смыслом и радостью:

Я слушаю его, а в мыслях
Не день, не два — гда встают.
Я с этих фрязевых, горных высей
Яснее вижу жизнь свою.

Среди стихов, предшествующих поэме, особый интерес представляет стихотворение «Задачник» нет малейшего шума, полное горячей, забытой любви к природе, пытливого проникновения жизни окружающего мира. Преобладание мысли над

так называемым «нейзажным» украшательством

Сейчас выделает эти стихи из длинного ряда стандартных лирических излияний, которыми, сожалению, изобиловала периодика последнего времени.

Вчера сosoедский мальчик-пицелов

Принес мне жаворонка.

Вот он в тебе тонет.

Я отпустил его, и на ладони

Осталось птичье нежное тепло.

И дальше:

...И вот о человеке.

Он где бы ни рос, был сладок летеский

Сон,

Жужжали мухи, в стекла бились ветки.

А зубы прорезались — пласал он...

Сейчас выделывает эти стихи из длинного ряда стандартных лирических излияний, которыми, сожалению, изобиловала периодика последнего времени.

Это обзывают нас, двух сosoедских поэтов, попутно с разбором творчества конкретного автора коснувшись существенной темы производственных взаимоотношений в наше поэтической среде. В практике поэтической секции союза писателей имеет место такое хорошее название, как первоначальные творческие встречи поэтов, на которых читаются и обсуждаются новые произведения членов секции. Казалось бы, что наличие таких собраний должно обеспечить прямолинейность и товарийский тон обсуждений, которым присуща любовь к социальному производству. Но к великому сожалению большинства поэтов, эти вечерчики обходятся без демагогического изыскания личного вкуса со стороны некоторых творческих собраний, бойкай инициатив которых в этом направлении подменяет собой левые и объективное руководство встречами. Не будем голословными. С наибольшей яростью это сказывается на читке стихов С. Шипачева.

Как мы говорили выше, стихи С. Шипачева на протяжении ряда лет служили примером излишней риторичности и часто безвкусности, что было характерно для значительной группы советских поэтов, предна-мерено лезорезированных разношерстной публикой.

Об особенно досадно видеть в этом стихотворении (как и во многих других ве-щах автора) полное пренебрежение формой.

Неряшливо в рифмовке и сбивчивость мелодического течения стиха снижают ценность работы С. Шипачева. Те относительные созвучия, которыми оперируют некоторые наши поэты, в том числе и автор

периодической книги, не звучат как рифмы. Например:

Тени — танцы
Гордиться — ролился

Человеке — ветке

Шишкины — вишни

Сады — осты.

Все это яркий пример того, к чему может привести отсутствие беспокойства мастера за четкость формы своих произведений. Современный поэт не должен забывать той огромной работы, которую проделали советские поэты, и в первую очередь В. В. Маяковский, по технической основе русского стиха. Шипачев пока берет линию наименьшего сопротивления.

Теперь, когда вопрос о максимальном активном участии поэта во всей политической жизни страны стоит особенно остро, факт каждой отдельной удачи на фронте советской поэзии должен расцениваться так же, как он расценивался в дни, когда он расценивался в дни поэзии ее боеспособности.

Это обзывают нас, двух сosoедских поэтов, попутно с разбором творчества конкретного автора коснувшись существенной темы производственных взаимоотношений в наше поэтической среде. В практике поэтической секции союза писателей имеет место такое хорошее название, как первоначальные творческие встречи поэтов, на которых читаются и обсуждаются новые произведения членов секции. Казалось бы, что наличие таких собраний должно обеспечить прямолинейность и товарийский тон обсуждений, которым присуща любовь к социальному производству. Но к великому сожалению большинства поэтов, эти вечерчики обходятся без демагогического изыскания личного вкуса со стороны некоторых творческих собраний, бойкай инициатив которых в этом направлении подменяет собой левые и объективное руководство встречами. Не будем голословными. С наибольшей яростью это сказывается на читке стихов С. Шипачева.

Как мы говорили выше, стихи С. Шипачева на протяжении ряда лет служили примером излишней риторичности и часто безвкусности, что было характерно для значительной группы советских поэтов, предна-мерено лезорезированных разношерстной публикой.

Но к великому сожалению большинства поэтов, эти вечерчики обходятся без демагогического изыскания личного вкуса со стороны некоторых творческих собраний, бойкай инициатив которых в этом направлении подменяет собой левые и объективное руководство встречами. Не будем голословными. С наибольшей яростью это сказывается на читке стихов С. Шипачева.

Как мы говорили выше, стихи С. Шипачева на протяжении ряда лет служили примером излишней риторичности и часто безвкусности, что было характерно для значительной группы советских поэтов, предна-мерено лезорезированных разношерстной публикой.

Но к великому сожалению большинства поэтов, эти вечерчики обходятся без демагогического изыскания личного вкуса со стороны некоторых творческих собраний, бойкай инициатив которых в этом направлении подменяет собой левые и объективное руководство встречами. Не будем голословными. С наибольшей яростью это сказывается на читке стихов С. Шипачева.

Как мы говорили выше, стихи С. Шипачева на протяжении ряда лет служили примером излишней риторичности и часто безвкусности, что было характерно для значительной группы советских поэтов, предна-мерено лезорезированных разношерстной публикой.

Но к великому сожалению большинства поэтов, эти вечерчики обходятся без демагогического изыскания личного вкуса со стороны некоторых творческих собраний, бойкай инициатив которых в этом направлении подменяет собой левые и объективное руководство встречами. Не будем голословными. С наибольшей яростью это сказывается на читке стихов С. Шипачева.

Как мы говорили выше, стихи С. Шипачева на протяжении ряда лет служили примером излишней риторичности и часто безвкусности, что было характерно для значительной группы советских поэтов, предна-мерено лезорезированных разношерстной публикой.

Но к великому сожалению большинства поэтов, эти вечерчики обходятся без демагогического изыскания личного вкуса со стороны некоторых творческих собраний, бойкай инициатив которых в этом направлении подменяет собой левые и объективное руководство встречами. Не будем голословными. С наибольшей яростью это сказывается на читке стихов С. Шипачева.

Как мы говорили выше, стихи С. Шипачева на протяжении ряда лет служили примером излишней риторичности и часто безвкусности, что было характерно для значительной группы советских поэтов, предна-мерено лезорезированных разношерстной публикой.

Но к великому сожалению большинства поэтов, эти вечерчики обходятся без демагогического изыскания личного вкуса со стороны некоторых творческих собраний, бойкай инициатив которых в этом направлении подменяет собой левые и объективное руководство встречами. Не будем голословными. С наибольшей яростью это сказывается на читке стихов С. Шипачева.

Как мы говорили выше, стихи С. Шипачева на протяжении ряда лет служили примером излишней риторичности и часто безвкусности, что было характерно для значительной группы советских поэтов, предна-мерено лезорезированных разношерстной публикой.

Но к великому сожалению большинства поэтов, эти вечерчики обходятся без демаг

ПО СТРАНИЦАМ ЖУРНАЛОВ

ПОВЕСТЬ О КОМАНДАРМЕ

«Знамя», книга вторая

Вторая книга журнала «Знамя» целиком посвящена XX-летию Рабоче-Крестьянской Красной Армии и Военно-Морского Флота.

Журнал печатает отрывки из речи В. И. Ленина «О годовщине революции 8 ноября 1918 года» из «Письма к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком».

Чтобы для пробырьши рассказать о Луганской войне, гроб с телом командира на простой подводе, рискуя попасть в руки белогвардейцев. Выполню приказ командарма, он возвратился в Царицын, где стоял броноезд «Коммунист».

«На паровозе под красной надписью «Коммунист» было написано: «Кола Старцев». Он занял работу товарища Боршикова о памяти нашего Коли... Ко мне пошли канонир Болшевец и обратились ко мне:

— Товарищ командир!?

— Что тебе нужно? — спросил я Волошенко.

— Товарищ командир, у вас виски посыпались...

Очень поэтична «Дума про Пархоменко», с волнистым читается «Смерть Кучеренка».

Ближний Басей, сказывается на «Майской складе» С. Мицера и Г. Фишса.

Тем не менее, стиль их повести предстаёт собой смесь стилистических особенностей И. Бабеля и М. Зощенко (особенно его повести «Вояжедиан»). Но сама по себе повесть «Майская склада» интересна как захватывающая рассказ о геройской борьбе крымских партизан с белогвардейцами.

Сквозь и оригинально написаны «Рассказы из жизни Чуцкова» А. Козачинской.

Большую часть литературного материала номера составляют рассказы и новеллы. Это, несомненно, заслуга журнала. В номере напечатаны также рассказы Л. Соболова «Вход в гавань», «Рассказы о фотографах» К. Левина, «Маленькие новеллы» А. Исаха, рассказ К. Паустовского «Половодье», рассказ Е. Сю «Люблю моя малчика» (перевод с китайского), «Лучший из этих рассказов» — «Половодье» К. Паустовского, написанный славянским языком М. Юйт. В этом разделе есть и другие произведения.

Особый интерес представляют документы, принадлежащие перу товарища Боршикова.

Его письмо в красноармейском Харбине, а также «Открытое письмо к луганским пролетариям» являются не только ценных исторических документами. Это полные революционного пафоса блестящие литературные произведения. В феврале 1921 года, встреченный восторгом в трудоделательстве и слабой работой по восстановлению разрушенного хозяйства, товарищ Боршиков пишет луганским пролетариям:

«...Мы посыпаем вам остатки нашего общеного друга Пархоменко, спасшего свою драгоценную жизнь за наше дело. Пусть его гордый непоколебимо-стальной дух посетит наше усталые и испытанные города, пусть его неукротимая, вечно деятельная натура встанет в вашей памяти и устыдят других и обидят других. Дорогой Александру физический умер, но его душа, боровшаяся за идеалы коммунизма, будет вечно жить среди нас. Я веду, дорогие товарищи, что скоро полулуопрещение тому, что я вас пину, и выша энергичная, полезная теперь для себя, для коммунизма, деятельность заставит ее говорить не только харьковские, но и петроградские, московские газеты...»

Но все новеллы повести разночлены. Наиболее сильной кажется новелла «Третий рассказ командира бронепоезда Игнатова», в которой описывается трагическая гибель молодого командира бронепоезда, Коли Старцева.

В этот новелле авторам удалось нарисовать образ командира бронепоезда. Глубокая человечность, сердечное отношение к людям, высокое понимание чувства дружбы — эти характерные черты пролетарского полководца раскрываются в следующем эпизоде:

— Вчера меня вызвал командарм товарищ Боршиков. На лице его были суровые морщины от похолода жизни, но я их изучил в этот вечер так осторожно, что видно потому, что он тогда был сильно расстроен смертью Коли Старцева.

— Скажи, — обратился ко мне командарм, — Коли Старцев сразу умер или он сказал что-нибудь на прощание перед смертью?

Я ответил, что у Коли были прощальные слова жалости о том, что он умирает не в своем родном городе Луганске.

— Я тебя назначаю начальником бронепоезда «Коммунист», — сказал мне командарм товарищ Боршиков. — Но если действительно такими были предместные сложности Коли, то скажи ты отвезешь какими тебе угодно средствами тело его в Луганск...

Чтобы для пробырьши рассказать о Луганской войне, гроб с телом командира на простой подводе, рискуя попасть в руки белогвардейцев. Выполню приказ командарма, он возвратился в Царицын, где стоял броноезд «Коммунист».

«На паровозе под красной надписью «Коммунист» было написано: «Кола Старцев». Он занял работу товарища Боршикова о памяти нашего Коли... Ко мне пошли канонир Болшевец и обратились ко мне:

— Товарищ командир!?

— Что тебе нужно? — спросил я Волошенко.

— Товарищ командир, у вас виски посыпались...

Очень поэтична «Дума про Пархоменко», с волнистым читается «Смерть Кучеренка».

Ближний Басей, сказывается на «Майской складе» С. Мицера и Г. Фишса.

Тем не менее, стиль их повести предстаёт собой смесь стилистических особенностей И. Бабеля и М. Зощенко (особенно его повести «Вояжедиан»). Но сама по себе повесть «Майская склада» интересна как захватывающая рассказ о геройской борьбе крымских партизан с белогвардейцами.

Сквозь и оригинально написаны «Рассказы из жизни Чуцкова» А. Козачинской.

Большую часть литературного материала номера составляют рассказы и новеллы. Это, несомненно, заслуга журнала. В номере напечатаны также рассказы Л. Соболова «Вход в гавань», «Рассказы о фотографах» К. Левина, «Маленькие новеллы» А. Исаха, рассказ К. Паустовского «Половодье», рассказ Е. Сю «Люблю моя малчика» (перевод с китайского), «Лучший из этих рассказов» — «Половодье» К. Паустовского, написанный славянским языком М. Юйт.

В это время эти документы доставлялись в газетах «Луганской повести». Они придавали всем вехам характер большинской жизненности.

Особый интерес представляют документы, принадлежащие перу товарища Боршикова.

Его письмо в красноармейском Харбине, а также «Открытое письмо к луганским пролетариям» являются не только ценных исторических документами. Это

полные революционного пафоса блестящие литературные произведения. В феврале 1921 года, встреченный восторгом по восстановлению разрушенного хозяйства, товарищ Боршиков пишет луганским пролетариям:

«...Мы посыпаем вам остатки нашего общеного друга Пархоменко, спасшего свою драгоценную жизнь за наше дело. Пусть его гордый непоколебимо-стальной дух посетит наше усталые и испытанные города, пусть его неукротимая, вечно деятельная натура встанет в вашей памяти и устыдят других и обидят других. Дорогой Александру физический умер, но его душа, боровшаяся за идеалы коммунизма, будет вечно жить среди нас. Я веду, дорогие товарищи, что скоро полулуопрещение тому, что я вас пину, и выша энергичная, полезная теперь для себя, для коммунизма, деятельность заставит ее говорить не только харьковские, но и петроградские, московские газеты...»

Но все новеллы повести разночлены. Наиболее сильной кажется новелла «Третий рассказ командира бронепоезда Игнатова», в которой описывается трагическая гибель молодого командира бронепоезда, Коли Старцева.

В этот новелле авторам удалось нарисовать образ командира бронепоезда. Глубокая человечность, сердечное отношение к людям, высокое понимание чувства дружбы — эти характерные черты пролетарского полководца раскрываются в следующем эпизоде:

— Вчера меня вызвал командарм товарищ Боршиков. На лице его были суровые морщины от похолода жизни, но я их изучил в этот вечер так осторожно, что видно потому, что он тогда был сильно расстроен смертью Коли Старцева.

— Скажи, — обратился ко мне командарм, — Коли Старцев сразу умер или он сказал что-нибудь на прощание перед смертью?

Я ответил, что у Коли были прощальные слова жалости о том, что он умирает не в своем родном городе Луганске.

А. ИЛЬЧЕВ

Начало положено

«Новый мир», книги 1, 2 и 3

«Новый мир» — единственный из наших журналов, появившийся теперь к намеченным срокам. Первая книга раздалась в подарок делегатам сессии Верховного Совета СССР. Февральская вышла к праздничным днем двадцатилетия Красной Армии, марта еще не миновала, когда третья книга появилась в книжных лавах.

Сожалению, нельзя еще отметить заметных успехов в самом содержании журнала.

Липецкий номер наполовину собрал из перепечаток. «Хлеб» Алексея Толстого уже был до того напечатан в «Молодой гвардии», два рассказа из «Лицей» и «Лицей» А. Смолянинова.

«На паровозе под красной надписью «Коммунист» было написано: «Кола Старцев». Он занял работу товарища Боршикова о памяти нашего Коли... Ко мне пошли канонир Болшевец и обратились ко мне:

— Товарищ командир!?

— Что тебе нужно? — спросил я Волошенко.

— Товарищ командир, у вас виски посыпались...

Очень поэтична «Дума про Пархоменко», с волнистым читается «Смерть Кучеренка».

Ближний Басей, сказывается на «Майской складе» С. Мицера и Г. Фишса.

Тем не менее, стиль их повести предстаёт собой смесь стилистических особенностей И. Бабеля и М. Зощенко (особенно его повести «Вояжедиан»). Но сама по себе повесть «Майская склада» интересна как захватывающая рассказ о геройской борьбе крымских партизан с белогвардейцами.

Сквозь и оригинально написаны «Рассказы из жизни Чуцкова» А. Козачинской.

Большую часть литературного материала номера составляют рассказы и новеллы. Это, несомненно, заслуга журнала. В номере напечатаны также рассказы Л. Соболова «Вход в гавань», «Рассказы о фотографах» К. Левина, «Маленькие новеллы» А. Исаха, рассказ К. Паустовского «Половодье», рассказ Е. Сю «Люблю моя малчика» (перевод с китайского), «Лучший из этих рассказов» — «Половодье» К. Паустовского, написанный славянским языком М. Юйт.

В это время эти документы доставлялись в газетах «Луганской повести». Они придавали всем вехам характер большинской жизненности.

Особый интерес представляют документы, принадлежащие перу товарища Боршикова.

Его письмо в красноармейском Харбине, а также «Открытое письмо к луганским пролетариям» являются не только ценных исторических документами. Это

полные революционного пафоса блестящие литературные произведения. В феврале 1921 года, встреченный восторгом по восстановлению разрушенного хозяйства, товарищ Боршиков пишет луганским пролетариям:

«...Мы посыпаем вам остатки нашего общеного друга Пархоменко, спасшего свою драгоценную жизнь за наше дело. Пусть его гордый непоколебимо-стальной дух посетит наше усталые и испытанные города, пусть его неукротимая, вечно деятельная натура встанет в вашей памяти и устыдят других и обидят других. Дорогой Александру физический умер, но его душа, боровшаяся за идеалы коммунизма, будет вечно жить среди нас. Я веду, дорогие товарищи, что скоро полулуопрещение тому, что я вас пину, и выша энергичная, полезная теперь для себя, для коммунизма, деятельность заставит ее говорить не только харьковские, но и петроградские, московские газеты...»

Но все новеллы повести разночлены. Наиболее сильной кажется новелла «Третий рассказ командира бронепоезда Игнатова», в которой описывается трагическая гибель молодого командира бронепоезда, Коли Старцева.

В этот новелле авторам удалось нарисовать образ командира бронепоезда. Глубокая человечность, сердечное отношение к людям, высокое понимание чувства дружбы — эти характерные черты пролетарского полководца раскрываются в следующем эпизоде:

— Вчера меня вызвал командарм товарищ Боршиков. На лице его были суровые морщины от похолода жизни, но я их изучил в этот вечер так осторожно, что видно потому, что он тогда был сильно расстроен смертью Коли Старцева.

— Скажи, — обратился ко мне командарм, — Коли Старцев сразу умер или он сказал что-нибудь на прощание перед смертью?

Я ответил, что у Коли были прощальные слова жалости о том, что он умирает не в своем родном городе Луганске.

А. ИЛЬЧЕВ

В ПОИСКАХ СТАРШЕГО ДРУГА

«О журнале «Пионер»

Дорогая редакция, пам. всем по 13—14 и 15 лет. Мы решали сообщить написать вам письмо со своими задушевными приватами. Мы сознаем свое положение счастливых советских ребят. Но «Пионер», который обязан быть старшим другом, совсем не соответствует нашему представлению о нем. Он не соответствует нашим представлениям о нем.

Журнал — детский. Естественно, что ребята интересуются своим, детским миром. В «Пионере» нет еще ни одной интересной повести о жизни советских ребят, о дружбе и любви, о взаимоотношениях девочек и мальчиков в школе. Скажите также, что делает старший друг ребята?

Очень хороши «Конек-Горбунок» С. Диокского, рассказ о том, как наш пограничный катер преследует японскую шхуну, воровавшую рыбу в советских водах.

Очень хороши «Сав-мару» С. Диокского, рассказ о том, как наш пограничный катер преследует японскую шхуну, воровавшую рыбу в советских водах.

Очень хороши «Конек-Горбунок» С. Диокского, рассказ о том, как наш пограничный катер преследует японскую шхуну, воровавшую рыбу в советских водах.

Очень хороши «Конек-Горбунок» С. Диокского, рассказ о том, как наш пограничный катер преследует японскую шхуну, воровавшую рыбу в советских водах.

Очень хороши «Конек-Горбунок» С. Диокского, рассказ о том, как наш пограничный катер преследует японскую шхуну, воровавшую рыбу в советских водах.

Очень хороши «Конек-Горбунок» С. Диокского, рассказ о том, как наш пограничный катер преследует японскую шхуну, воровавшую рыбу в советских водах.

Очень хороши «Конек-Горбунок» С. Диокского, рассказ о том, как наш пограничный катер преследует японскую шхуну, воровавшую рыбу в советских водах.

Очень хороши «Конек-Горбунок» С. Диокского, рассказ о том, как наш пограничный катер преследует японскую шх

Литературные вести из республик

на месте ссылки Тараса Шевченко

В 1846 году на северо-восточном берегу Каспийского моря было основано Ново-Петровское укрепление, переименованное затем в форт Александропольский. Здесь великий украинский поэт Тарас Григорьевич Шевченко провел в ссылке семь лет.

В письме к своему другу в 1852 году поэт так описывал свое местожительство:

«Теперь сижу в новом Петровском укреплении на югу, что дальше будет: это укрепление настоящая пустыня. Несколько камней: — хоть бы травка, хоть бы деревце — ничего нет. Горы породичной не видишь, просто чорт знает!»

Во время своей многолетней ссылки Тарас Шевченко поселился в форту небольшой садик, который разросся в большой парк, носящий имя поэта.

В честь поэта в парке установлен памятник. В глинибогатой землянке, где провел годы изгнания Тарас Шевченко, организован музей.

УЗБЕКСКИЙ ВАРИАНТ «ВИТЯЗЯ В ТИГРОВОЙ ШКУРЕ»

Узбекский научно-исследовательский институт языка и литературы готовят к печати узбекский вариант поэм Шота Руставели «Витязь тигровой шкуре». Он записан со слов народного сказителя Фазиля Юллашева.

ЦЕННАЯ НАХОДКА

Старший научный сотрудник тбилисского института литературы имени Руставели тов. Кубанешвили на листах обнаружил подлинную рукопись романа «Отнеубийца» классика греческой литературы Александра Кильбени. В 1882 году этот роман печатался в газете «Драма» («Время»).

Вновь найденные рукописи романа сильно отличаются от печатного текста. Тов. Кубанешвили готовят рукопись к печати.

ПАМЯТИ ОВАНЕСА ТУМАНИЯ

Союз советских писателей Армянской ССР с 23 марта проводит декаду памяти поэта Ованеса Туманиана в связи с 15-летием со дня его смерти. По всей Армении организуются лекции и вечера, посвященные великому поэту. В районах выехали писатели и литераторы. Институт истории литературы впервые издает полное собрание сочинений О. Туманиана. Издается также однотомник его сочинений на русском языке.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЕЧЕРА

На творческом вечере в редакции журнала «Октябрь» обсуждалась новая трагедия (в стихах) И. Сельянского «Рыцарь Иоанн». Тема патриотическая — апамнестное восстание Ивана Болотникова.

Очередной литературный декадник при журнале «Молодая гвардия» был посвящен встрече начинающих писателей с Корнеем Чуковским, который поделился своими воспоминаниями об А. М. Горьком и В. В. Маяковском.

В Московском клубе писателей с большим успехом прошел творческий вечер еврейского поэта Л. Квитко.

Л. Квитко читал на вечере свои стихи: «Сталин», «Коммунист», «Радуга», «Василиса» и другие. Тов. Е. Благинина прочла несколько стихотворений Квитко в ее переводе на русский язык.

Группом писателей при Гослитиздате организован для бойцов 1-й армии войсковой части в их клубе вечер с участием Героя Советского Союза А. В. Лапидевского, который вкратце рассказал историю развития советской авиации.

Выступление т. Лапидевского было горячо встречено собравшимися.

В Московском клубе писателей 25 марта состоялось очередное творческое собрание поэтов. С членом стихов выступили молодой поэт Бахчук и Г. Шенгели. Стихи Г. Шенгели вызвали горячий спор о формах и методах поэтического творчества, который должен быть продолжен на следующих собраниях.

На собрании новеллистов, состоявшемся 27 марта, новые рассказы читали Г. Алексеев и Ш. Сослан.

Библиотека-музей В. В. Маяковского

В доме, где с 1926 по 1930 год жил В. В. Маяковский, организованы библиотека-музей его имени. С января 1938 года открыты читальный зал библиотеки, кабинеты для индивидуальных занятий и справочно-библиографический консультационный кабинет.

Справочно-библиографический консультационный кабинет при библиотеке дает устные и письменные справки и консультации по творчеству Маяковского. Справочно-консультационный кабинет открыт с 17 до 20 часов вечера ежедневно, кроме первых двух дней шестидесятника. В апреле месяце кабинет добавочно работает в первые дни шестидесятника с 12 до 16 часов. Читальный зал открыт с 17 до 22 часов ежедневно, а в общие выходные дни — с 18 до 22 часов. Адрес библиотеки: Таганская, переулок Маяковского, дом 18/15. Телефон Ж 2-41-06.

Ко дню восьмой годовщины смерти Маяковского библиотека совместно с ГОНОР организует для преподавателей литературы старших классов средней школы вечера, посвященные памяти поэта.

Вечера состоятся 3 и 5 апреля в 20 часов в Доме учителя (Пушкинская ул., 4).

3 апреля состоится доклад-беседа В. Пернова на тему «Творческий путь Маяковского». 5 апреля будет организован лекция-показ «Как читать Маяковского».

ПЕСНИ БЕРАНЖЕ

Государственное музыкальное издательство (Музгиз) выпустило сборники песен знаменитого французского поэта Беранже. Русский текст прилагается Ярославу Родионову, музыкальная обработка мелодий — Ильину Шипилову. Композитором использованные старинные французские мелодии

Накануне 750-летия «Слова о полку Игореве»

Величайший памятник русской культуры

На совещании в «Литературной газете»

750-летие «Слова о полку Игореве» должно стать подлинным массовым праздником русской культуры, должно прозвучать как торжество народного творчества.

Долгое время на «Слово» смотрели как на некую архивную, музейную редкость. И сейчас во весь рост встает задача — вернуть народу «Слово о полку Игореве», раскрыть политическую сущность этой гимнической поэмы, сделать ее доступной широкому читателю, расшифровать «темные места».

Не все переводы «Слова» равнозначны, хотя они и переводились не раз. И сейчас юбилейная комиссия из 30 имеющихся переводов отобрала для предполагаемых изданий 11: 7 дореволюционных (в том числе Жуковского, Милютина, Мая, Гербеля) и 4 советских (Г. Шимара, С. Басова-Верхоянцева, И. Новикова, М. Тарловского).

Обширное поле деятельности открывается для литературоведов. Разные не увлекают на тема о влиянии «Слова» на западноевропейскую литературу (например, «Песни о Ролланде», «Нibelungen» и т. д.)? Разве не стоит показать, как мотивы поэмы XII века нашли свое отражение в русской классической литературе (Пушкин, Грибоедов, Гоголь) и в произведениях советских писателей? Чрезвычайно важно составить свод всех научных трудов о «Слове» за последние 120 лет. Такого свода нет, и это чрезвычайно затрудняет исследовательскую работу.

Все виды искусства должны принять участие в предстоящем юбилее: и для композитора, и для художника, и для исполнителя «Слово» представляет неисчерпаемый источник непротивленных еще кладезей. Здесь есть над чем поработать!

Проблемы, поставленные на совещании в редакции «Литературной газеты», и сейчас важны. И союз советских писателей и Академия Наук ССР должны вплотную заняться за их разрешение. От этого во многом будет зависеть успех юбилейных торжеств.

Новые переводы гениальной поэмы

В издательстве «Советский писатель» И. А. Новиков прочел свой перевод «Слова о полку Игореве», перевод приближающийся к подлиннику.

Эта работа не встретила возражений аудитории. Все выступавшие подчеркнули ее большое значение, отмечали бережное отношение к первоначальному тексту, довольно удачную расшифровку темных мест «Слова». Большой интерес вызывала автографа Ю. Верна «80 тысяч километров под водой» (на белорусском языке). Был подписан к печати из 13 февраля 1937 г. Долгое время эта книга не выпускалась — в ней находилась листка с перечнем допущенных ошибок.

Роман Жюль Верна «80 тысяч километров под водой» (на белорусском языке) был подписан к печати из 13 февраля 1937 г. Долгое время эта книга не выпускалась — в ней находилась листка с перечнем допущенных ошибок.

На вечере в «Советском писателе» выступил известный артист РСФСР М. К. Северский с большим мастерством пропел в сопровождении гуслей два отрывка из «Слова» (подлинный текст).

Нельзя считать переложение М. Тарловского уже законченным, надо еще много поработать, чтобы еще более отточить, отдельить, отшлифовать новый перевод.

До юбилея «Слова о полку Игореве» остается меньше двух месяцев. Между тем пока еще не чувствуется особой напряженности в подготовке. Это оказалось между прочим в том, что вечера и в «Советском писателе» и в московском клубе писателей собрались весьма немноги численностью аудитории.

ГОТОВЫЕ КНИГИ ЛЕЖАТ В ТИПОГРАФИИ

Силуэтный портрет М. Ю. Лермонтова работы художника Н. В. Ильина.

Дептизат ЦК ВЛКСМ выпускает иллюстрированное издание «Герои нашего времени» Лермонтова.

■ ■ ■

БОР. ВИНОГРАДОВ.

Минск.

ЗАБЫЧИВЫЕ ИЗДАТЕЛИ

Вся страна отмечала 70-летие со дня рождения гениального писателя, борца за культуру и социализм А. М. Горького. К этому дню его книги в больших тиражах вышли не только на русском языке, но и на многих других языках народов Советского Союза.

Но нашлись такие издательства, которые, в стыду своему, не сумели отметить знаменательную дату.

Издательство «Искусство» должно было быть к 70-летию со дня рождения родоначальника пролетарской литературы выпустить книгу о Горьком-драматурге, или хотя бы перевести ее пьесы: в прошлом году они вышли в этом издательстве весьма неизвестными тиражами.

«Молодая гвардия» тоже была обязана своевременно напечатать книгу о Горьком — великим учителю и друге юношества. Однако такая книга вовсе не была включена в годовой план издательства: только теперь «Молодая гвардия» собирается издавать сборник «Горький о молодежи».

ОБМАН ЧИТАТЕЛЯ

200 тысяч читателей журналов, выходящих в издательстве «Молодая гвардия», спрашивали желают получать текущие номера в срок. Но увы! — журналы «Молодая гвардия», «Известия ЦК ВЛКСМ» и «Бояки» испытывают терпение своих читателей, оказывая систематически на них недовольство.

Наконец, Московский совет указал скульпторам места установки памятников М. Горькому в Москве, Ленинграде и Горьком. И октября 1937 г. скульпторы должны были представить проекты памятников.

В Ленинграде и Горьком своеобразно определили места установки памятников М. Горькому. Собранный советом пропаганды народного единства и своеобразно решил вопрос о месте строительства памятника Горькому. Это затормозило работу скульпторов, и Всесоюзный комитет по делам искусств отложил представление проектов.

«Молодая гвардия» тоже была обязана своевременно напечатать книгу о Горьком — великим учителю и друге юношества. Однако такая книга вовсе не была включена в годовой план издательства: только теперь «Молодая гвардия» собирается издавать сборник «Горький о молодежи».

Издательство «Искусство» должно было быть к 70-летию со дня рождения родоначальника пролетарской литературы выпустить книгу о Горьком-драматурге, или хотя бы перевести ее пьесы: в прошлом году они вышли в этом издательстве весьма неизвестными тиражами.

«Молодая гвардия» — самый «толстый» художественный журнал издательства — вообще является «притягивающим изысками». Но увы! — журналы «Молодая гвардия», «Известия ЦК ВЛКСМ» и «Бояки» испытывают терпение своих читателей, оказывая систематически на них недовольство.

Редакция обещает выпустить «свой», хороший номер лишь... в мае. Слабое утешение для читателя!

СУД *

28 марта в гражданской коллегии Московского городского суда состоялось десятое заседание по делу об авторстве фильма «Ленин в Октябре». Столп длительной разбора дела отнюдь не является юридической или литературной сложностью Ю. А. Цапулина и Штейнбахов.

Они избрали различные предлоги, чтобы выйти из прорыва. Грязные, невыправляемые рукописи, пропыльчики рецензентов, склонность к грубому языку, даже не знающие языка, — все это не решает проблему. История произошла в сороковых годах, когда в СССР не было такого языка, как «советский».

Автор завоевался: — Как же так? Этак перепизывать не станут! Значит кончится рента!

Этого никак не допустить нельзя. Лучше «самокритически» признать все ошибки и предложить исправить пересказ для второго издания.

И Булатов исправил. Принес в издательство новый вариант. Сказки, действительно, стали лучше. Были рукою Булатова исправлены некоторые ошибки, сделаны поправки в текстах.

Автор получил свою 50 процентов гонорара за второе издание. Казалось бы, все в порядке.

Однако не совсем. Новые редакторы сказали и дотошными и приличивыми. Второй вариант «пересказа» не только сравнился с первым, но дотадались сличить и с

оригиналом Перро. Выяснилось, что это точный перевод с французского текста. Неудивительно, что на этот раз «пересказ» оказался лучше!

Была бы невелика — в самом деле, стоит ли переделывать то, что и так хорошо — но только автор — Булатов, ни слова не знает по-французски.

Как же могло случиться, что, не зная языка, Булатов так «приблизился» к подлиннику?

— Понтико! — ответил на этот вопрос смущенный литератор.

Что это, плюгав или литературная спекуляция с подставными линиями?

Странная история произошла и с обработкой второго сборника русских народных сказок, которую взяла на себя Булатов.

Славу рукою, бойкий литератор получил за составление и пересказ народных сказок — 9 тысяч рублей! Теперь же, при перверке, оказалось, что единственная имеющаяся в издательстве рукопись этой книги, вплоть до 1938 года с Москвой советом должна была быть немедленно и окончательно разрешена вопрос о месте установки памятника Горького в Москве.

Следует отметить, что в этом же году на заседании Комитета по делам искусств состоялось заседание по вопросу о месте установки памятника Горького в Москве.

Следует отметить, что в этом же году на заседании Комитета по делам искусств состоялось заседание по вопросу о месте установки памятника Горького в Москве.

Следует отметить, что в этом же году на заседании Комитета по делам искусств состоялось заседание по вопросу о месте установки памятника Горького в Москве.

</